

Красная звезда. - 1995. - 26 янв. - с. 4.

Фронтальная поверка

Михаил Алексеев держит авторитет известного русского прозаика, пожалуй, больше сорока лет. Он попал в "десятку" первым своим романом "Солдаты".

Участник войны "от звонка и до звонка". Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий России и СССР. Долго был российским депутатом от своей Саратовской области. Знакомы мы с ним давно. Он всегда, помимо писательства, был занят еще каким-то ответственным, конкретным делом, больше двадцати лет возглавлял журнал "Москва".

— Михаил Николаевич, война закончилась почти полвека назад, а ты все воюешь и воюешь. Беру как-то "Роман-газету", а там твоё новое произведение — роман "Мой Сталинград". Что заставило после длительного перерыва вернуться к военной теме?

— Строго говоря, тема эта не покидала меня в течение всех послевоенных лет. Она жила, да и живет вместе со мною и во мне всегда и, кажется, будет сопровождать меня до последнего часа жизни, поскольку сама является ее частью, и притом самой значительной. А тому, что ты на-

истинно: и пали, грозные в боях, не обнажив мечей, дружины...

Каково нам, ветеранам, участникам Сталинградского побоища, видеть все это!

— А как ты вообще попал на войну? Где она тебя застала? Кем ты был? В каком звании и в какой должности? Твоя первая награда?

— Война сама пришла ко мне. Служил я тогда в Харьковском артиллерийском училище. И там был создан отряд особого назначения. В составе этого отряда я и попал на фронт, в районе небольшого городка Белополье. К сча-

роту старшина. Ушлый такой мужичок и в годах. Он дружил, кажется, со всеми из тыловой братии, прежде всего из санитарной роты, где и добывал для нас спиртшко. В долгие те ночи обычно командиры взводов коротали время в моем блиндаже. И, конечно же, прикладывались к той спиртяге. Прибывший в мою роту юный младший лейтенант Миша Лобанов, боясь уронить себя в глазах бывалых воинов, то есть нас, старался не отставать и по этой части. Мы видели, как мучается, страдает несчастный, но виду не подает. А однажды на рассвете, когда Миша уже спал, мы его начали будить. Он вскокинул, испуганно вытарашил глаза и заорал: "Опять пить?" — и... заплакал. Не выдержал хлопца. Но о выпивке на фронте больше разговоров, конечно. Пьяным врага не одолеешь...

— Сейчас историки из ретивых "демократов" и радикалов пишут, что на одного убитого немца полсотни, а то и сотня наших падает. Кровью, мол, телами, трупами заваливали немцев. Какой уж, мол, праздник по случаю 50-летия?

— Что там историки? Нашлись и писатели, которые эту же "золотую жилу" разрабатывают. Не

меч. Вот он-то есть и будет главным героем моих написанных и еще не написанных книг.

— Хотелось бы знать, Михаил Николаевич, как складывались судьбы основных твоих произведений? Гладкой ли для них была дорога к читателю? Вель говорят, что у писателей при должности и наградах все шло как по маслу...

— В моих архивах хранится подшивка "Огонька" времен Коротича за два года. Так вот, там нет ни одного номера, в котором ни разносили бы меня и моих вещей в пух и прах. В это же время, кстати, усилился поток клеветы и на армию. "Огоньку" тут принадлежала роль бичевателя. Коротич клялся перед всем честным народом, что готов отказаться от колбасы во имя одного глотка свободы. Сказав это, тотчас же удалился в Соединенные Штаты, где свободы и колбасы больше... Особенно колбасы...

Одному ученому мужу, литературоведу, показалось однажды, что книги мои в основном выходили в так называемые застойные годы и не встречали решительно никаких препятствий. Шли как по маслу, как ты говоришь. Он даже написал мне об этом. И я ему ответил: "Вы причислили меня к врагам перестройки, к тем, кому хорошо жилось при Брежневле. Однако посмотрим. Моя повесть "Хлеб — имя существительное", написанная в начале шестидесятых годов, то есть четверть века назад, более долго не могла увидеть свет в журнале "Звезда", поскольку цензура стояла, что называется, насмерть. И только заявление всех членов редколлегии, что они одновременно покинут журнал, возымело действие. Такая же история, но более драматичная, повторилась с романом "Ивушка неплакучая". Еще труднее пробились к людям мои "Драчуны". Эти две последние вещи являлись к читателю с мукой, с болью уже при Брежневле, когда, как вы считаете, мне жилось привольно. Полвека с лишним замалчивалась трагедия нашей деревни, вызванная 1933 годом. Первый прорыв в эту великую народную драму сделали мы с Иваном Стаднюком. Он — в романе "Люди не ангелы", я — в "Драчунах", увидевших свет после тяжких борений с цензурой в 1981 году в журнале "Наш современник".

Тысячи (не преувеличиваю, как это делают в подобных случаях некоторые литераторы), именно тысячи писем получены мною с отзывами на "Драчунов". И особенно дороги мне добрые отзывы от таких мастеров слова, как Василь Быков, Мустай Карим, Олесь Гончар...

Были сложности у меня и в журнале "Новый мир": новмировские критики отвергли "Карюху". Мне было особенно обидно, что главным редактором журнала на ту пору был великий и любимейший мною поэт Александр Твардовский.

Но, к счастью для меня и моей героини-клячи, за "Карюху" вступились Расул Гамзатов и Сергей Залыгин, члены редколлегии журнала, успевшие прочесть эту мою повесть. Они даже пригрозили главному уйти из редколлегии, если и эта моя вещь подвергнется экзекуции. Твардовский нехотя, но все же взял "Карюху". На следующий день, как поведал мне позже его заместитель, Александр Трифонович уже сам потребовал прислать ему и "Хлеб", и "Вишневый омут". А кончилось все вот чем.

Через несколько дней в Доме литераторов праздновали юбилей Михаила Исаковского. Председательствовал на нем его друг и земляк А.Твардовский. Я сидел вместе с другими писателями в фойе в ожидании шефа: он, как и положено, малость опаздывал. И вот он входит, и я с изумлением вижу, что он направляется прямо ко мне. Наверное, думаю, с кем-то перепутал, и сейчас произойдет неловкость. Но нет. Подходит и громко так говорит: "Алексеев, мы были к вам несправедливы". И хмуро так косится на своих подчиненных.

— Былаешь ли ты на своей саратовской земле, в родном селе Мононастырском?

— Ну а как же! Ты, верно, не читал последней моей повести "Рыжонка". Это о корове. Вообще-то не о корове, конечно, как таковой. А через это милое создание, без которого настоящего крестьянского двора не существует, я попытался показать, что это такое — крестьянский двор на Руси. На нем все трудилось с раннего утра до поздней ночи. Все было при деле, начиная с хозяина дома и кончая курицей. Если хочешь, крестьянский двор — это сама Россия в миниатюре. Именно от него в прежние времена зависело, быть на нашей земле добру или худу. Деревенька моя сейчас в глубочайшем кризисе. Если вчера она как-то еще держалась, хотя, в общем-то, жила полусиротской жизнью, а теперь, обобранная до нитки всеми "властными структурами", забытая, сделалась уж круглой сиротой...

Но душа моя остается с нею, равно как и с моей родной армией. "Мой Сталинград" (как видишь, у меня оказалось два Сталинграда, военный и книжный), над продолжением которого я сейчас тружусь, ответит и на деревенский вопрос. С его оставшимися в живых героями и двумя-тремя еще находящимися рядом со мною товарищами-фронтниками я и хочу встретить Великое Пятидесятилетие. Ну а иных уж нет, а те далекие... Мы за Россию бились и за ценю не стояли! И порох еще есть...

Беседу вел
Юрий ГРИБОВ,
"Красная звезда".

Михаил АЛЕКСЕЕВ:

У меня было два Сталинграда...

звал "длительным перерывом", есть объяснение, и, надеюсь, вполне убедительное. Помянутый "Мой Сталинград" был начат более трех десятков лет назад. Работа над ним то и дело прерывалась, и порою очень надолго. Причины такой творческой аритмии, конечно же, были, и весьма серьезные.

Едва я приступил к своему повествованию, вдруг вспомнил, что такого города, как Сталинград, уже нет, а есть Волгоград, соответственно вроде бы не было и Сталинградской битвы, в коей ты имел горькое счастье участвовать, а была Волгоградская, каковой в самом-то деле не было, но тебя уверяют, что она была и что главное сражение второй мировой войны было вовсе не на Волге, а под Новороссийском, на Малой земле. Исторические события толковались исходя из узкоэгоистических, по большей части карьеристских, соображений тех, кто на этот час волею капризного случая оказался на самом верхнем этаже власти.

А цензура бдительно следила, чтобы не было ни малейшего отклонения от "официальных установок". Ну а что делать тому, кто не хотел следовать этим лживым установкам? Оставалось одно: отложить начатое и ждать, что, собственно, я и делал в течение этих трех десятков лет. Но молчать до бесконечности нельзя, когда затеянная работа не дает покоя, когда она представляется тебе чрезвычайно важной. И в том, что она важна до чрезвычайности, я убедился еще раз совсем недавно.

В начале февраля 1993 года совершенно неожиданно для меня я получил приглашение не от одного, а сразу от нескольких мэров французских городов. Пригласили они меня не только и не столько как писателя, а главным образом как участника Сталинградской битвы по случаю ее 50-летия. И тут я обнаружил, что эту дату торжественно отметила вся Франция. И всюду, где бы я ни был, все в один голос говорили мне одно и то же: "Вы, русские, — для иностранцев все советские люди помещались в одно слово "русские", — вы, русские, там, на Волге, спасли не только себя, но и нас, французов".

Чуть ли не во всех городах, которые я посетил — а это были Париж, Дижон, Лиль, Кан и другие, — либо площадь, либо станция метро, как, скажем, в самой столице, либо улица, как правило, одна из красивейших, либо школа названы именем Сталинграда.

Не от великой же любви к человеку, именем которого во время был назван город, ставший впоследствии легендарным, — не от любви же к нему далеко живущие от нас люди сохраняют Сталинград! Для них он — символ победы над фашизмом, символ спасения.

В одной только стране нет теперь Сталинграда. Читатель, думаю, догадается, что это за страна. Да что там город?! Две великие армии, совершившие бессмертный подвиг у стен Сталинграда, 62-я чуйковская и 64-я шумиловская, на славных традициях которых могли бы воспитываться новые поколения наших воинов, перестали существовать. Их не сохранили. Что это? Преступная близорукость или преступление в чистом виде? 62-я (то есть 8-я гвардейская) совсем недавно покинула Берлин, где когда-то водружала Знамя Победы над рейхстагом, и растворилась в просторах российских, а вторую, 64-ю (7-ю гвардейскую) растащили по кускам, расклевали "стервятники" в Кавказских горах. Не ели ли оружием убивают сейчас дудаевские бандиты наших солдат? А где овечьные лавы знамена этих армий? Вот уж

стью, нам удалось как-то избежать трагической участи Юго-Западного фронта, коим командовал генерал Кирпонос. После войны с Федором Моргуном я дважды был на том месте, где погиб вместе со своим штабом этот славный генерал. И только теперь понял, что до соединения с нашим отрядом ему оставалось преодолеть каких-нибудь тридцать — сорок километров. Вышел к нам благополучно из всего штаба один лишь Баграмян...

А первую награду я получил позднее, под Сталинградом. И вот за что. 11 сентября 1942 года в маленькой газетке под грозным именем "Советский богатырь" (29-я стрелковая дивизия 64-й армии) под рубрикой "Наши герои" была опубликована небольшая заметка, которая озаглавлена моим именем: "Михаил Алексеев". Вот выдержки из нее: "Во время боев политрук Михаил Алексеев всегда бывает впереди, увлекая за собой бойцов. Однажды большая группа румын просочилась в тыл нашей обороны. Сложилась серьезная обстановка, выправить положение вызвался Алексеев. Он взял взвод минометчиков и повел бой с просочившейся группой румын. Превосходивший по численности враг был рассеян и частично уничтожен, а создававшаяся угроза ликвидирована".

Далее автор В.Степной (псевдоним Андрея Дубицкого, впоследствии писателя, проживающего ныне в городе Акмола в Казахстане) называет цифры уничтоженных нами врагов. Заметка заканчивалась словами: "За боевые заслуги в деле борьбы с черными силами фашизма он представлен к правительственной награде". Я получил эту награду, а именно медаль, которая так и называлась: "За боевые заслуги". Потом были и другие награды, куда более высокие, но самой дорогой осталась именно эта...

— Помогали ли солдаты "боявые сто грамм"? И вообще припомни что-нибудь веселое, смешное из фронтовой жизни. Ты же потом, после строевой службы, был военным журналистом, а волка, как говорится, ноги кормят, особенно "волка" из газетки дивизионной.

— Еще бы не помогал! Посиди-ка длинную-предлинную ночь в сталинградском, скажем, окопе при сорокаградусном морозе! Сорокаградусная с противоположным, плюсовым, знаком только и могла выручить, согреть и тело, и душу в зыбкой той норе. Был в моей минометной

буду называть фамилий, Бог им судья. Мы знаем и без таких вот "гуманистов", знаем хорошо, что крови пролито действительно много. Но знаем, и во имя чего она пролита нами. И не вина тех, кто ее пролил, и тех, кто остался в живых из победителей.

— Твое отношение к современной армии. Почему она так быстро потеряла свои силы и величие?

— Я уже частично ответил на этот вопрос, говоря о разгроме без войны двух самых прославленных наших сталинградских армий. В последние годы все те же "демократы", захватив важнейшие средства массовой информации, в особенности телевидение и радио, как бы сговорившись, да не как бы, а именно сговорившись, обрушили на наши Вооруженные Силы потоки грязной лжи и инсинуаций, соревнуясь лишь в том, кто больнее укусит человека с ружьем. Попутно, подменив наши моральные ценности (точно по заповеди Аллеса Даллеса) бесстыдной массовой культурой, весьма преуспели в разращении нашей молодежи. В результате армия пострадала прежде всего и в неизмеримо большей степени. Цель, которую ставили перед собой разрушители и поругатели всех наших святынь, в значительной степени достигнута ими.

Сейчас в связи с событиями в Чечне атаки на армию вновь усилились. Будто она во всем виновата. Лично я так думаю: нападки на армию означают не что иное, как подрыв главного нашего бастиона, как попытку раз и навсегда покончить с Россией — великой державой!

— Одно время ты зачислили в писатели-деревенщики. Это после твоих таких шумевших вещей, как "Вишневый омут", "Хлеб — имя существительное", "Ивушка неплакучая", "Карюха", "Драчуны". Владимир Солоухин как-то пошутил, что Михаил Алексеев на своей деревенской лошадушке Карюхе "мерседесы" и "вольво" обогнал. Ты сам-то по какому ведомству себя считаешь — по военному или по штатско-деревенскому?

— По тому и другому одновременно. Мой земляк по Волге Николай Алексеевич Некрасов назвал русского мужика-крестьянина "сеятелем и хранителем земли русской". Испокоен века русский крестьянин в дни мира сеял хлеб и кормил страну, а в дни военных лихолетий оставался на время оралом и брался за